

В красных шёлковых занавесях свет был туманным. С тех пор как он покинул остров Пэнлай, различные человеческие связи всё глубже затягивали его в Цзиньцзин. Оглянувшись назад, он внезапно осознал, что, попав в сети мирской суеты, уже не сможет легко обрести свободу. Его сердце и дух были сломлены этой несвободой. Сколько ещё ему придётся терпеть, прежде чем он сможет вернуться? Пробиваясь сквозь тысячи волн и лёжа, слушая громы в ущельях, он обнял тонкую талию в своих объятиях через одеяло и сказал:

— Пока оставим это. Зал Зелёного Бамбука разрушен. Где твой хозяин собирается разместить этого сложного человека?

Он вдыхал аромат распущенных волос Не Фэйлуань. Красавица, лежавшая рядом, произнесла:

— Когда вы впервые прибыли в Цзиньцзин, вы сказали мне: «Инь Усяо может быть полезен». Я должна была передать эти слова вам в точности. Доктор Инь полезен, но опасен. Однако где бы он ни был, пока вы рядом, он не сможет устроить беды.

Ранее, схватив запястье Инь Усяо и используя лёгкость тела, он действительно обнаружил, что внутри того нет ни капли внутренней силы и он никогда не закладывал основ боевых искусств. Наклонившись к ней, он сказал:

— Твой хозяин, Гу Сань, никогда не сможет обрести покой. Ты же не такая, как он. Зачем продолжать следовать за ним? Быть шпионом — не долгосрочное занятие. Пообещай мне, что, когда сможешь, уйдёшь. Хорошо?

Не Фэйлуань сидела у изголовья, задумчиво глядя на него, видя лишь нежность и близость, которые её опьяняли. Она пробормотала:

— Учитель...

— но вовремя очнулась и, повернув взгляд, мягко сказала:

— Учитель, не заставляйте меня терять рассудок. Если однажды я действительно вырвусь на свободу и отправлюсь на остров Пэнлай, а ваша маленькая красавица станет вашей законной супругой, она, несомненно, пришлёт десяток крепких служанок, чтобы выгнать меня.

Лэ Юй не смог сдержать смеха, сначала тихого, затем громового.

— Маленькая красавица действительно прекрасна, но она не смотрит на меня. Зачем мне нарываться на неприятности? К тому же это мужчина... Даже если небо рухнет, мы не станем парой.

Произнося это, он невольно вздохнул.

— О? Правда?

— Не Фэйлуань всё больше убеждалась, что он влюбился в какую-то красавицу, но, будучи связанным обстоятельствами, пытается отмежеваться. Она не верила ни единому слову, ловко подняв изящный мизинец, нанесла немного красной помады и, опустив голову, нежно сказала:

— Тогда позвольте мне помочь вам переодеться.

Она позвала служанку, чтобы та принесла мужскую одежду, и передела Лэ Юя, поправляя плечи и рукава, но при этом смотрела вниз, сохраняя скромный и степенный вид, словно примерная жена. Это был её изысканный приём.

В резиденции князя Шоушаня Сяо Шанчунь глубоко вздохнул. На столе только что поставили свечу, её пламя колебалось.

— Как ты сказал, Сяо Шанли уже получил помощь от Павильона Весеннего Дождя и острова Пэнлай. В мире рек и озёр я не смогу с ним соперничать?

Хотя был день, в тайной комнате, примыкающей к кабинету, царила тьма. Человек напротив снял капюшон, обнажив высокий нос, глубоко посаженные глаза и слегка вьющиеся волосы. Ему было чуть больше двадцати, он был красив, но в его взгляде читалась злоба. На левой руке он носил шёлковую перчатку, два пальца которой были пусты. Глядя на руку, он с улыбкой произнёс:

— Ваше Высочество, князь Шоушань, зачем так говорить? У князя Цзинчэна есть хозяин Павильона Весеннего Дождя и остров Пэнлай, но разве Зал Заточки Мечей уступает им? Соратники князя Цзинчэна, несомненно, считают хозяина острова Пэнлай сильным союзником, но они не знают, что, когда он объединится с князем Цзинчэном, это станет для него большой опасностью.

Сяо Шанчунь неопределённо ответил:

— Я действительно хочу верить, что этот рискованный шаг был правильным. Самовольно сблизившись с Северной Хань, если в конце концов я проиграю, это преступление станет для меня смертным приговором.

Мо Ецянь сказал:

— Ваше Высочество, вы обладаете великими талантами, в отличие от своих посредственных братьев. Они видят только попытки Восточного У поглотить Юэ, чтобы противостоять нашей Северной Хань. Но разве лучше противостоять Северной Хань, чем заключить с ней союз и вместе разделить Восточное У? Заиклившись на северо-южных разногласиях, они хотят разделить Центральные равнины с Восточным У. Ваше Высочество, вы обладаете дальновидностью. Если это удастся, наш правитель готов заключить с вами договор: вы на юге, мы на севере, разделив реку.

Сяо Шанчунь снова спросил:

— Ваш правитель действительно хочет только Западное Юэ и округ Яньцин?

Мо Ецянь искренне ответил:

— Наша территория обширна, степи бескрайни, поэтому у нас нет излишних амбиций к землям. Западное Юэ уже признало нашу власть, так что оно будет нашим законно. Что касается округа Яньцин, мы долго не могли его захватить, поэтому обращаемся к вам, будущему владыке Центральных равнин.

Он был посланником Зала Заточки Мечей Северной Хань, которая, как волк или гриф, жадно смотрела на границы Центральных равнин. Сяо Шанчунь в душе подумал, что их хищные амбиции известны всем, но всё же улыбнулся:

— Ваш правитель действительно щедр, и я не буду скуп. Кроме округа Яньцин, я могу подарить вам и Бинчжоу, ведь эти земли изначально не входили в состав Великого Чу. Но...

— он взглянул на пальцы Мо Ецяня и добавил:

— Я заметил, что у посла и моего младшего брата, князя Цзинчэна, есть личная вражда.

— Ваше Высочество, вы проницательны.

— Мо Ецянь сдержал ненависть и мягко сказал:

— Честно говоря, у меня действительно есть личные причины для этой миссии. Но я ни в коем случае не позволю личной вражде помешать вашим великим планам. Пожалуйста, подождите ещё месяц. Вам не нужно будет ничего делать. Когда принцесса Яньцин из Восточного У прибудет, я уверен, что смогу устроить скандал, который опозорит князя Цзинчэна, хозяина острова Пэнлай и принцессу Тянь, сделав их объектом всеобщего осуждения. Кроме того, спасибо за предоставленных вчера наёмников. Я прибыл в Чу, чтобы разобраться с предателем из моей школы и вернуть украденные медицинские записи. Мой учитель был великодушен и позволил ему жить, но я не могу позволить этому предателю продолжать существовать.

К рассвету Лэ Юй вернулся в Двор Весенних Ароматов, но Сяо Шанли уже ушёл.

Во внутреннем дворе вишни цвели пышно, на каменной горе висели ещё нераспустившиеся цветы. Весна была в самом разгаре, занавеси были подняты, слуги установили зелёные навесы, чтобы защитить пионы на ступенях от палящего солнца. Войдя, он столкнулся с Ши Ицзэ, которая поклонилась ему. Перед ширмой Гу Хуань подняла чашу с лекарством, на столике стояли три серебряных блюда со сладостями.

Лэ Юй спросил:

— Как так? Маленький князь Цзинчэн не остался в Дворе Весенних Ароматов до утра и просто ушёл?

Гу Хуань посмотрела на него и медленно сказала:

— Маленький Цзинчэн уехал в дворец на рассвете, чтобы навестить отца.

Лэ Юй остановил движение с веером, и она вздохнула:

— Это не я подговорила его. Он сам сказал мне, что, независимо от причины, нельзя упускать такой благоприятный момент. Он отправился во дворец просить разрешения на расследование до того, как городской судья представил доклад.

Если император разрешит ему участвовать в расследовании, он получит власть. Если нет, он всё равно послал сигнал: младший сын императора Чу с этого дня вступает в борьбу за власть.

Любовь императора к князю Цзинчэну была обусловлена тем, что он был младшим братом наследного принца и не мог наследовать трон. Он должен был лишь радовать отца, исполняя роль любящего сына, не неся бремени управления страной.

Но как только этот сын вступит на путь борьбы за трон, как его братья, в глазах отца он станет таким же, как они. Это путь без возврата. Успех или поражение — он больше не сможет вернуться к роли невинного любимого сына.

Лэ Юй ровным тоном сказал:

— А Хуань, я понимаю, чего хочет Гу Сань, но я никогда не понимал тебя. Почему ты так настойчиво становишься чьим-то советником? Сначала наследный принц, теперь князь Цзинчэн. Ты знаешь, что князь Цзинчэн пока не искренне хочет занять трон. Почему ты настаиваешь на том, чтобы он пошёл этим путём?

Когда наследный принц Чжаохуай добился реабилитации отца Гу Хуань, он отправил ей письмо. Прочитав его, Гу Хуань сообщила своей приёмной матери Лэ Сяньюй, что, следуя старому брачному договору между Южным Чу и кланом Гу, она выйдет замуж за наследного принца. Поскольку остров Пэнлай никогда не вмешивается в политику государств, она попросила приёмную мать разорвать с ней отношения.

Хотя на острове Пэнлай никто не говорил об этом вслух, было много предположений. Некоторые считали, что Гу Хуань была благодарна наследному принцу за реабилитацию отца и вышла за него из чувства долга. Другие думали, что она влюбилась в него после письма.

Были и те, кто считал, что она жаждет власти и выходит за наследного принца, чтобы стать будущей императрицей. Эти слухи стали преобладать ещё до её свадьбы. На острове Пэнлай шёпотом обсуждали это, пока внезапно не раздался звук обнажённого меча за ширмой. Люди чуть не умерли от страха, а через мгновение одна из фигур за ширмой исчезла. Гу Синьчи вышел и сказал, что не стоит бояться, молодой господин уже ушёл. Когда они коснулись ширмы, она раскололась пополам и с грохотом упала на землю.

Лэ Юй ушёл первым, не желая видеть лица говорящего. Но его гнев был невыносим, и эта безмолвная ярость заставила всех на острове Пэнлай замолчать. Даже когда она стала советницей наследного принца, почти подтверждая слухи о её властолюбии.